

Журнальное обозрение

(...) Но если у Григор^{ова} для красивого слова ветерана^{сы} такие ^{выражения} ~~выражения~~, за-
то другой абсурд, А. П. Телов не прибегая
к таким в. в. сумел дать довольно по-
нужную картину из купеческого быта. (...) Анна Акимовна —

типъ добродушнаго существа, не успѣвашаго погрузиться въ
тину жизни, искренно желающаго добра всѣмъ, но не знаю-
щаго, какъ бы лучше достигнуть этого на дѣлѣ, потому что
ее со всѣхъ сторонъ обираютъ и эксплуатируютъ. Впрочемъ,
она сама замѣчаетъ это, но ей не подъ силу принять какое
нибудь строгое рѣшеніе, переимѣнить служащихъ, прогнать
явныхъ воровъ и вообще твердо властвовать въ своемъ фаб-
ричномъ царствѣ; ей даже бываетъ непріятно, когда въ ея
пользу *отсудятъ* или *выиграютъ* какое-либо дѣло или когда
послѣ праздника разсчитываютъ загулявшихъ рабочихъ.
Принесутъ ей выигранныя послѣ процесса деньги, ей какъ
то совѣстно принимать ихъ, хочется раздать кому-нибудь
изъ обездоленныхъ, но она знаетъ что и раздача эта далеко
не всегда пріятна: проситель нерѣдко оказывается пропой-
цей или вообще не заслуживающимъ помощи человѣкомъ.
Такія разочарованія ей уже случалось испытывать, а между
тѣмъ жить въ довольствѣ и хладнокровно смотрѣть на бѣд-
ноту — ей было не по нутру. Кругомъ же приживалки, лъсте-
цы и кланчи, и въ особенности во время какого-нибудь
большаго праздника, когда всѣ эти люди пріѣзжали съ поз-
дравленіями, чувствовалась пустота и отчужденность отъ всѣхъ.
Вотъ, напр., Рождество. Сначала шли поздравленія отъ кухон-
ной челяди, прислуги, являлись батюшка съ дьякономъ и
нѣвчима, потомъ сестры изъ общины, дѣти изъ пріюта, слу-
жащіе на заводѣ, ученики школы, гдѣ Анна Акимовна бы-
ла попечительницей, почтальоны, все это пило, ѣло, подобо-
страстно шутило, остряло и говорило легкіе компли-
менты или безъ толку болтало. Къ обѣду пріѣзжали дѣй-
ствительный статскій совѣтникъ Крылинъ и адвокатъ Лисе-
вичъ; эти наровили полакомѣе поѣсть, а послѣдній даже
прямо попросилъ „праздничныхъ“. „Дуся моя, говоритъ
адвокатъ послѣ обѣда, какъ обыкновенно ласкаютъ малень-
кихъ дѣтей, — а за что вы меня оштрафовали?“ — Какъ? Ко-
гда? — „Я къ празднику не получилъ отъ васъ наградныхъ“.
Пришлось сунуть ему въ руку деньги и тотъ съ лѣнливой
граціей опустилъ ихъ въ карманъ. Анна Акимовна немно-
го смутилась, она забыла, гдѣ служить Крылинъ и нужно
ли ему давать деньги; прощаясь, она и ему сунула въ руку

„Екатеринбургская Недѣля“ № 12.

триста рублей. Вечеръ проведенъ еще тоскливѣе, пришлось сидѣть съ приживалками, играть въ карты, гадать и выслушивать сплетни и пересуды. Праздничный день закончился тѣмъ, что Анна Акимовна, раздѣваясь на постели, говоритъ горничной. плача и смѣясь: „Дуры мы съ тобой! Ахъ, какія мы дуры!“

Вотъ картинка, набросанная умѣлой рукой автора. Образъ Анны Акимовны встаетъ, какъ живой; типъ богатой, но безпомощной дѣвушки, не имѣющей крѣпкой опоры въ лицѣ мужа, выросшей подъ опекой родителей и не выработавшей достаточнаго запаса энергіи и силы воли, удался Чехову вполне, какъ и можно ожидать отъ такого талантливаго беллетриста.

Еще нѣсколько женскихъ типовъ вырисовываетъ Н. Гаришъ въ очеркахъ подъ общимъ заглавіемъ „Деревенскія панорамы“. Этотъ писатель беретъ свои темы изъ жизни деревни, которую, повидимому, знаетъ и любитъ, и если по выпуклости изображаемыхъ имъ лицъ его нельзя сравнить напр., съ Чеховымъ, то все же въ своей области онъ даетъ интересныя произведенія. Нѣкоторыя сцены у него выходятъ неподражаемыми. Въ 1-й книгѣ „Рус. Богатства“ начало этихъ „панорамъ“ и пока здѣсь помѣщены только два очерка „Бабушка Степанида“ и „Акулина“.

Вотъ, напр., разговоръ бабушки Степаниды со старостой Родіономъ, мужикомъ лѣтъ 30, пришедшимъ ее навѣстить въ ея убогой избушкѣ, гдѣ она живетъ одиноко.— Жива? спрашиваетъ Родіонъ.— Жива“, сухо, шевелясь, отвѣчаетъ бабушка.— А у насъ все дѣла, все дѣла: назмать землю хотѣтъ.— „Грѣшили бы меньше. При старикахъ кто назмилъ, а родила земля“.— Доктора храницуску болѣзнь открыли, продолжаютъ Родіонъ Слышь, Меркевъ не годится... Трусовы вся семья. Много народу погадилось.— „Врешутъ всё доктура“, сердилась вдругъ бабушка.— Этакъ... Пошто же имъ брехать-то?

<...>